

Бесперспективный холод Балаклея

Максим Пахотин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Пахотин

Бесперспективный холод Балаклея

«Автор»

2026

Пахотин М.

Бесперспективный холод Балаклея / М. Пахотин — «Автор»,
2026

Это история не о героях — о выживших. О тех, кто выносил раненых под пулями, кто забрал тела товарищей из пыли на обочине, кто в подвалах разрушенного города пытался спасти чужих детей. О цене, которую платят люди, когда приказы отдаются в кабинетах, а умирать приходится в окопах. Здесь свои и чужие перестают иметь значение. Есть только холод — тот самый, бесперспективный, который поселяется внутри и не отпускает даже после выхода из ада.

© Пахотин М., 2026

© Автор, 2026

Максим Пахотин

Бесперспективный холод Балаклея

Книга вторая. Бесперспективный холод

Часть первая. Тыл

Глава 1. Перед отправкой

Август подходил к концу, и Омск встречал своих защитников не парадными маршами, а обычной, будничной жизнью, которая текла мимо, не замечая, что внутри этих людей, вернувшихся оттуда, что-то безвозвратно сломалось.

Агапов сидел на кухне, сжимая в ладонях кружку с горячим чаем. Чай остывал, но он не замечал. Он вообще ничего не замечал, когда уходил в себя. Перед глазами стояло другое – серая вода Ирпеня, желто-синие перила, взрыв, переворачивающий автобус, Саян, кувыркающийся в воздухе, как тряпичная кукла.

– Глеб, – голос жены ворвался в это марево, как луч света в темный подвал. – Ты опять? Чай давно холодный.

Агапов моргнул, посмотрел на кружку. Чай и правда остыл. Он залпом допил его, чувствуя, как по спине пробегает знакомая, липкая дрожь. Холод. Он жил под кожей, вьелся в кости за те месяцы в Гостомеле, в окопах, под градами. И даже горячая вода, в которой он мог просиживать часами, заново оттаивая, не могла вытравить его до конца.

– Горячий еще, – сказал он, ставя кружку на стол.

Настя посмотрела на него долгим, понимающим взглядом. Она научилась читать его за эти полгода. Видела, как он вздрагивает от резких звуков, как подолгу стоит у окна по ночам, как греет руки, даже когда на улице плюс двадцать пять.

– Когда? – спросила она тихо.

– Через три дня, – ответил он, не глядя в глаза.

Она кивнула. Вопросов не задавала. За полгода она выучила: вопросы только ранят. Бесплезно спрашивать, зачем ты снова туда едешь, когда вернешься, будет ли все хорошо. Ответов нет. Есть только дата на календаре, которую она обводила красным, и чувство тяжести, которое росло с каждым днем.

Вечером того же дня на базе СОБРа кипела работа.

Егорыч, назначенный старшим отделения, носился между боксами, проверяя списки, пересчитывая ящики, покрикивая на молодых. Он словно не замечал, что снова едет туда, где свистят пули, и земля встает на дыбы от взрывов. Работа – она и есть работа. А то, что внутри – там, под ребрами, где живет память о Муромове и Саяне, – об этом он молчал. Крепко, помужички, зажимая боль в кулак.

– Петрович! – заорал он, увидев Агапова. – Хорош в углу стоять! Давай, помогай амуницию разбирать. Спонсоры наши, понимаешь, озолотили! Гляди, что пришло!

Он ткнул пальцем в стол, заваленный новенькими коробками. Приборы ночного видения, тепловизоры, современные турникеты – всего этого в прошлую командировку не хватало до зарезу. Тогда ехали на учения, а попали в мясорубку. Теперь готовились серьезно.

– «Ночники» – шикарные, – Егорыч погладил коробку, как любимую женщину. – Теперь этих хохлов ночью как тараканов давить будем.

Агапов взял в руки тепловизор, прикинул вес. Хорошая техника. Дорогая. Жаль, не было такого в феврале. Может, тогда...

Он отогнал мысль. Нельзя оглядываться назад. Там могилы, и они зарастают травой.

В соседнем боксе отрабатывали городской бой. Слышались короткие очереди, топот ног, мат инструкторов. Группа по работе с БПЛА – новое подразделение, созданное на базе отряда

– корпела над дронами. Учились запускать, наводить, глушить вражеские «птички». Война за полгода стала другой. Теперь в небе тоже шла охота.

Агапов подошел к ребятам, посмотрел, как они управляют с пультом. Молодые, глаза горят. Им еще предстояло понять, что дрон – это не игрушка, а средство убивать. И что убивать будут их.

Между укладкой баулов и пристрелкой оружия выдавались редкие минуты тишины. Тогда кто-то доставал телефон, и они листали ютуб. Знали, что нельзя, что там сплошная пропаганда, вражеская и своя, но тянуло. Хотелось увидеть правду. Или то, что за нее принимают.

– Гляньте, – позвал один из молодых, протягивая телефон.

На экране было видео. Знакомое лицо, только исхудавшее, заросшее щетиной, с синяками под глазами. Михалыч.

Агапов замер. В комнате стало тихо.

– Включи звук, – сказал Егорыч, подходя ближе.

Михалыч говорил. Чужим, ровным голосом зачитывал заученные фразы про агрессию России, про то, что он не хочет воевать, что призывает сдаваться в плен. Глаза у него были пустые. Совсем пустые.

– Суки, – выдохнул кто-то.

Видео кончилось. На экране побежали другие ролики. Егорыч выключил телефон, положил на стол.

– Полгода уже, – сказал Агапов. – В СИЗО, говорят, в киевском.

– Слышал, – кивнул Егорыч. – Там наших уже под сотню. Летчиков отдельно мутузят, десантуру. Слышал, некоторым... – он запнулся, подбирая слова, – операции делали. Чтобы детей не было.

– Сволочи, – процедил молодой.

Агапов молчал. Он смотрел на темный экран телефона, и перед глазами стоял другой Михалыч – тот, которого они тащили к синей «шестерке» в Ирпене. Тот, у которого нога была перебита осколком, и он молчал, сжимая зубы, чтобы не заорать.

– Не осуждай, – сказал он наконец. – В плену скажешь что угодно. Рэмбо только в кино бывают.

– Да я понимаю, – молодой отвернулся. – Просто... обидно.

– Обидно, – согласился Егорыч. – Но живой он. А мог бы лежать там, под мостом. Помнишь автобусы?

Помнили все. И автобусы, и ракетный удар, и Саяна, который так и не дожил до этого августа.

Михалыч тем временем сидел в камере киевского СИЗО и смотрел в зарешеченное окно.

Полгода. Сто восемьдесят два дня, если считать точно. Полгода допросов, побоев, бессонных ночей, когда будили через каждый час и били. Полгода звуков гимна России, которые врубали на полную мощность, чтобы сломать, вымотать, свести с ума.

Он похудел на пятнадцать килограммов. Кожа обтянула скулы, под глазами залегли черные тени. Но взгляд остался живым. Усталым, злым, но живым.

С ним в камере сидели еще трое. Два десантника из-под Гостомеля и летчик, сбитый в первые дни. Летчику доставалось больше всех – его избивали почти каждый день. За то, что летал. За то, что бомбил. За то, что враг.

Ночью их снова подняли. Ворвались в камеру, заорали, построили у стены. Потом выкрикнули фамилию летчика и увели его в коридор. Михалыч слышал, как там начали бить. Глухие удары, сдавленные стоны, мат на смеси языков.

Он сидел на нарах, сжимая кулаки, и молился. Не за себя. За летчика. Чтобы выдержал.

Днем был допрос. Сотрудник СБУ – тот самый, молодой, с наглыми глазами, который любил кричать и бить, – встретил его привычным пинком.

– Садись, говно.

Михалыч сел на стул. Руки привычно завели за спину, затянули наручники так, что занемели пальцы.

– Будешь говорить?

– Я все уже сказал.

– Тогда слушай.

Началась обычная процедура. Те же вопросы: часть, позывной, задача, командиры. Он отвечал одно и то же. Часть не называл, командиров тоже. Только позывной. И то, что уже говорил сотни раз.

Удары были неожиданными. Просто, без предупреждения, кулаком в солнечное сплетение. Михалыч согнулся, ловя воздух ртом. Потом еще один. Потом надели противогаз, закрыли клапан. Он захрипел, забился, чувствуя, как легкие разрываются от нехватки кислорода.

– Скажи правду, – шипели над ухом. – Ты знаешь больше.

Он не знал. Или знал, но не говорил. Уже не важно.

Через час его выволокли обратно в камеру. Бросили на нары. Летчик уже был там – лежал лицом вниз, тихо постанывал.

– Живой? – спросил Михалыч.

– Почти, – ответил летчик.

Они замолчали. Сил на разговоры не было.

Но были и другие.

Через два дня Михалыча вызвали снова. В этот раз вел другой офицер – тот самый, которого он запомнил еще с первых допросов. Игорь. Молодой, но не наглый, не злой. Спокойный, даже усталый.

– Садись, – сказал Игорь, кивнув на стул. Наручники застегивать не стал. Достал пачку сигарет, протянул: – Будешь?

Михалыч кивнул. Закурил жадно, глубоко затягиваясь. Табак был дешевый, горький, но после недель без курева – райское наслаждение.

– Чай будешь? – спросил Игорь. – С сахаром.

– Буду.

Игорь налил из термоса, поставил перед ним кружку. Сам сел напротив, закурил свою.

– Новости есть, – сказал он негромко. – Обмены начались. На днях первую партию передадим.

Михалыч замер с кружкой у губ.

– Меня?

– Не знаю. – Игорь покачал головой. – Не от меня зависит. Но я тебе помочь могу.

Он достал из кармана маленький обрывок бумаги – меньше ладони – и огрызок карандаша.

– Напиши записку. Жене, матери – кому хочешь. Я передам тому, кого обменяют. Дойдет – не дойдет, не знаю. Но попробовать можно.

Михалыч смотрел на него, пытаясь понять – провокация? Ловушка? Но глаза у Игоря были усталые, честные. Такие глаза не врут.

– Зачем тебе это? – спросил он.

– Затем, – Игорь усмехнулся горько, – что я тоже человек. И мне эта война... – он не договорил, махнул рукой. – Пиши давай. Времени мало.

Михалыч взял карандаш. Рука дрожала. Полгода не держал ничего, кроме баланды и сигарет. Он вывел кривыми буквами:

«Лена! Не верь тому, что я говорю на видео. Нас заставляют. Жив. Люблю. Михалыч».

Свернул бумажку в крошечный комочек, отдал Игорю.

– Спасибо, – сказал он. И это слово значило больше, чем все, что он говорил за полгода.

Игорь кивнул, спрятал записку в нагрудный карман.

– Держись, – сказал он. – Может, скоро и тебя.

Он вызвал конвой, и Михалыча увели обратно.

Через три дня того летчика, что сидел с ними, забрали. Объявили: обмен. Летчик не верил, думал – расстрел. Но его вывели, посадили в автобус и увезли.

Михалыч остался. Смотрел в зарешеченное окно, думал о записке. Дойдет – не дойдет? А если дойдет, прочтут ли ее сначала свои? А если прочтут, поверят ли?

Не важно. Главное, что он попытался.

А в Омске, за тысячи километров, Агапов стоял на пороге дома. Рюкзак собран, форма надета, бронжилет ждет в машине. Настя смотрела на него с порога, кутаясь в халат, как тогда, в феврале.

– Ты надолго? – спросила она.

– Не знаю, – ответил он. – Наверное, надолго.

Она кивнула. Она всегда кивала.

Дочь спала. Он зашел к ней в комнату, постоял минуту, глядя на темную копну волос на подушке. Такая же, как тогда. Только подросла за полгода.

Он вышел, поцеловал жену в лоб, закрыл за собой дверь.

За окном была ночь. Где-то там, впереди, ждала новая командировка. Новая война. И тот же бесперспективный холод, который он так и не смог согреть.

Глава 2. Балаклея

Погрузка прошла быстро – так быстро, что Агапов не успел даже толком осознать, что они снова едут. Два специальных вагона, выделенных для сводного отряда сибирского СОБРа, приняли в себя всё: от стройматериалов, без которых на передовой не обойтись, до ящиков с новенькими FPV-дронами, пахнущими свежим пластиком и смазкой.

К их отделению прирезали омовцев – Новосибирск, Красноярск, ещё пара городов, названия которых Агапов пропустил мимо ушей. Всего два вагона на всех. Люди сидели на жёстких полках, привалясь к рюкзакам, и молча смотрели в темноту за окном, где проплывали редкие огоньки полустанков.

Егорыч, назначенный старшим отделения, перестраховывался по-стариковски. После того как все разместились, он ещё раз, уже в который, сделал переключку. Двенадцать человек. Он сам, Агапов, Кречет – тот самый, что вытащил Огиева из-под моста, а потом, отдохнув полгода, перевёлся к ним в СОБР. Остальные – молодые, без боевого опыта. Для них эта командировка была первой. Они ещё не знали, что такое настоящая война. Не знали, как свистит мина на излёте и как хлопает вода в берцах, когда идёшь по апрельской грязи под обстрелом.

– Двенадцать, – Егорыч убрал список в нагрудный карман. – По головам считаю, чтоб не разбежались.

Молодые заулыбались, не понимая, что шутка эта – горькая. Агапов отвернулся к окну. За стеклом тянулась Россия. Мирная, летняя, с берёзовыми перелесками и деревянными домиками на полустанках. Бабушки с вёдрами, мужики в кепках, провожающие поезда взглядом. Жизнь, которая текла мимо, не задевая, не касаясь, не понимая, куда и зачем едут эти вагоны.

Ехали медленно. Состав то подолгу стоял на разъездах, пропуская встречные, то тащился черепашим шагом, будто сама дорога не хотела отпускать их туда, где уже началось.

Двадцать девятого августа прибыли в Луганск.

Город встретил их запахом угольной пыли и южной духотой. Вокзал, ещё хранивший следы недавних боёв – заколоченные окна, следы осколков на стенах, – жил своей жизнью. Военные сновали туда-сюда, грузовики урчали моторами, где-то лаяла собака. Агапов вышел из вагона, размял затёкшие ноги, вдохнул горячий воздух. Здесь пахло войной иначе, чем под Гостомелем. Ближе, что ли. Осязаемей.

Распоряжение получили прямо с поезда, не заходя в штаб. Балаклея. Название, которое тогда ещё ничего не говорило никому из них. Просто точка на карте Харьковской области, куда надо было двигаться.

Выдали БТР с водителем – старую, обшарпанную машину, выдавшую виды, но на ходу крепкую. Погрузили имущество, втиснулись сами, и колонна, собранная на скорую руку из таких же потрёпанных машин, выдвинулась к месту.

Дорога от Луганска до Балаклеи петляла через поля и перелески, минуя сёла, которые только недавно перешли под контроль российских войск. Ехали осторожно, держась наготове, хотя вокруг было тихо. Слишком тихо.

За окнами БТРа проплывали пейзажи, от которых щемило сердце своей неправильной, надломленной красотой. Сожжённая техника на обочинах – остовы грузовиков, БМП с задранными к небу стволами, перевёрнутая «Нива» в кювете. Дороги, перепаханые гусеницами, искореженные указатели с названиями, которые ещё недавно были просто географией, а теперь стали историей.

Село Яковенково встретило их тишиной и запахом гари. Дома стояли целые, но казались мёртвыми – ни огонька, ни дымка из труб, ни собачьего лая. Только куры бродили по улице, странным образом уцелевшие среди всего этого. Агапов смотрел на них и думал о том, что война для них – просто шум. Они не знают, чьи тут флаги, и им всё равно. Лишь бы кормили.

Проехали Вербовку. Здесь следы боёв были свежее – выбитые стёкла в школе, пробитая осколками крыша магазина, чей-то брошенный велосипед у калитки. На стене дома, выходящей на дорогу, чернела надпись, выведенная краской из баллончика: «Тут были ЗСУ». Кто-то из водителей сплюнул в открытое окно.

Дальше потянулись перелески, молодые дубки, перемежающиеся с соснами, и снова поля – бескрайние, выжженные солнцем, с редкими перелесками. В одном месте дорога шла вдоль железнодорожной насыпи, где стоял разбитый эшелон – перевёрнутые вагоны, рассыпанные ящики, чёрные от копоти цистерны. Кто-то снимал с них груз, да не успел. Война не ждёт.

Ближе к Балаклее пейзаж изменился. Пошли промышленные зоны, склады, какие-то заброшенные ангары. Воздух стал тяжелее, пропитанный гарью и железом. За поворотом открылся вид на город.

Балаклея лежала в низине, на левом берегу Северского Донца. Над крышами поднимались трубы промышленных предприятий, и где-то там, на окраине, угадывались очертания огромной базы хранения боеприпасов – той самой, что когда-то считалась крупнейшей на Украине. Сейчас она, судя по доносившимся оттуда глухим хлопкам, доживала последние дни.

Въехали в город тридцать первого августа, под вечер. Улицы были пусты, только редкие военные патрули да местные старухи, сидящие на лавочках с каменными лицами. Они провожали колонну взглядами, в которых не было ни страха, ни любопытства – только усталое равнодушие людей, переживших уже столько, что война стала просто частью пейзажа.

Разместились в здании бывшей школы на окраине, недалеко от железнодорожного вокзала. Двухэтажное, с выбитыми стёклами, но крыша целая и стены крепкие. Во дворе – несколько старых деревьев, качели, с которых кто-то снял сиденья, и брошенная «копейка» без колёс.

Внутри пахло сыростью, бумагой и чем-то сладковатым – то ли старые тетради, то ли недавняя смерть. В классах валялись парты, учебники, чьи-то вещи. На стене в коридоре висел портрет Шевченко, простреленный в нескольких местах.

Егорыч быстро распределил помещения. В одном классе – спальник, в другом – склад боеприпасов, в третьем – столовая, где на скорую руку сколотили стол из досок. Молодые суетились, таскали ящики, пытались наладить быт. Агапов вышел во двор, сел на сломанную лавочку, закурил.

Смеркалось. Где-то далеко, за городом, ухали разрывы – артиллерия работала по позициям. Ближе, со стороны вокзала, слышались голоса, лязг металла, урчание двигателей. Война входила в своё новое русло.

Кречет подошёл неслышно, сел рядом, тоже закурил.

– Ну что, Петрович, – сказал он, глядя в темнеющее небо. – Опять мы здесь.

– Опять, – ответил Агапов.

Они помолчали. Оба думали об одном: как долго это продлится, и кто из нынешних двенадцати не досчитается в конце.

А над Балаклеей опускалась ночь. Тёплая, южная, совсем не похожая на ту, что была в феврале под Ирпенем. Но внутри у Агапова по-прежнему жил холод. Тот самый, бесперспективный, который не согреть ни горячей водой, ни летним воздухом.

Глава 3. Балаклея. Окружение

Позиции заняли в течение первых же суток. Разместились частично в здании местного РОВД – двухэтажной серой коробке с облупившейся краской и выбитыми стёклами на первом этаже, – частично в школе, через квартал. Школа была типичной для этих мест: три этажа, широкие окна, спортивная площадка во дворе, давно заросшая бурьяном.

Егорыч, оглядев предложенное жильё, принял решение, которое поначалу показалось молодым бойцам странным:

– В зданиях ночуем по очереди, – сказал он, поправляя бронежилет. – А так – на улице. Рыть укрепления.

– Так земля ж твердая, товарищ старший лейтенант, – попробовал возразить кто-то из молодых, позывной Максим.

– А ты её лопатой, лопатой, – Егорыч усмехнулся в усы. – Она и поддастся. Здесь тебе не Гостомель, тут фронт подвижный. Не дай бог чего – из этих стен нас миномётами как куропаток нащёлкают.

И работа закипела. Два дня, благо погода позволяла – стоял тёплый, сухой сентябрь, – долбили твердую, каменистую на первый взгляд, но податливую внутри землю. Рыли от души, по-хозяйски. Основные позиции вынесли за территорию школы, в посадки, привязав их ходами сообщения к зданию. В самой школе натаскали мешков с землёй, заложили ими окна на первом этаже, оставив только бойницы.

Местные жители наблюдали за работой молча. Слишком молча. Выходили на улицу редко, в глаза не смотрели, при встрече отводили взгляды. Но иногда, когда рядом не было чужих, кто-нибудь из стариков опасно приближался и, озираясь, бросал вполголоса:

– Вы это... держитесь тут. Скоро они вернуться. Нацисты эти. Тут их отряды все – из местных набраны. Они каждую улицу, каждый подвал знают.

Агапов слушал такие разговоры и чувствовал, как внутри закипает привычная уже тревога. Не за себя – за отделение. Двенадцать человек. Три пулемёта, пара гранатомётов, остальные – автоматы. И один БТР, старый, с пробегом, но на ходу.

Егорыч после таких разговоров хмурился, собирал отделение, снова и снова заставлял проверять сектора обстрела, пристреливать ориентиры.

– Спать в бронежилетах, – приказал он. – Оружие под рукой. Если что – вступаем сразу, без раскачки.

Между собой наладили радиосвязь. Отделение получило позывной – «Омега». По штабным меркам громко, но кто здесь, в этой забытой богом Балаклее, будет проверять позывные?

Быт налажился относительно нормально. Местная администрация, назначенная ещё весной, работала, но все сотрудники были из местных, и отношение их к росгвардейцам оставалось загадкой. Улыбались в лицо, но в глазах – холодок. Стройматериалов, слава богу, хва-

тало. Питание подвозили регулярно. Даже удалось организовать горячую воду для подогрева – натаскали кирпичей, сварили из бочки некое подобие печки.

Седьмого сентября всё изменилось.

Утром окраины города загрохотали. Сначала далеко, потом ближе, потом совсем рядом. Артиллерия работала плотно, на залп, и было понятно – это не просто обстрел, это наступление.

Егорыч стоял на позиции, вглядываясь в сторону восточной окраины, откуда доносился бой.

– Началось, – сказал он негромко. – По местам, парни. Приготовиться.

Через час по улицам, мимо школы, потянулись первые беженцы. Точнее, не беженцы – отступающие. Части луганских ополченцев, вперемешку с казаками, брели на запад, кто пешком, кто на попутках. По их лицам, по затравленным взглядам, по брошенной технике читалось одно: они не могут сдерживать натиск.

– Куда вы? – крикнул им Максим.

– Там... там прорыв, – ответил кто-то на бегу. – Уходите, пока можете.

Но уходить было нельзя. Команды на отход не поступало. И сводный отряд – меньше роты, собранной из сибиряков, среди которых было и отделение «Омеги», – оставался единственным подразделением Российской Федерации в городе.

К вечеру украинские передовые отряды на лёгкой технике – пикапы с крупнокалиберными пулемётами, пара БТРов – уже рыскали по окраинам. Патрули ростгвардии вступали в короткие перестрелки и отходили к центру, стягиваясь к зданиям РОВД и школы.

Восьмого сентября кольцо сжалось.

Утром несколько пикапов с крупнокалиберными пулемётами выехали на улицу, где располагалось РОВД, и открыли огонь. Но били не по зданию, где засела группа прикрытия, а по жилым домам. Очереди хлестали по стенам, выбивали стёкла, крошили шифер на крышах. Где-то закричала женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.